

Если подумать, Чжао Шэн начал отдаляться от него как раз в тот год. Он думал, что это из-за того, что он поступил в старшую школу, а брат уехал за границу учиться в университет, и их отношения стали менее близкими, что казалось естественным. Он никогда не думал о другой возможности, и сейчас не смел и думать об этом.

Поскольку Чжао Шэн сказал, что на каникулах будет стажироваться и не вернётся, он долго уговаривал брата по телефону, чтобы тот позволил ему приехать за границу и провести время вместе. Несколько картин как раз изображали сцены того времени.

Тогда он думал, что доставляет Чжао Шэну неудобства, и тот, вынужденный его сопровождать, естественно, редко улыбался. Так как же человек на картине, улыбающийся так беззаботно, мог быть Чжао Шэном?

Хотя он давно забыл, куда они ходили и что делали за границей, он точно помнил одно: Чжао Шэн почти никогда не подходил к нему близко. Либо он был рядом, либо стоял сзади, либо сидел в отдалении и ждал. Но на картинах они либо держались за руки, либо обнимались, что больше напоминало влюблённых, чем братьев. Даже на одной из картин они лежали в обнимку в гостиничном номере.

Его сердце забило быстрее, и он вдруг понял, что эта картина не обязательно была вымышленной. Он спал, и даже если его кто-то обнимал, он бы этого не знал.

Вообще, на этих картинах образ Чжао Шэна был прорисован очень просто, но его изображение было детализированным и красивым, так что принять его за кого-то другого было невозможно. А тот, кто держал его за руку или обнимал, мог быть только Чжао Шэном.

Разум говорил ему, что нельзя больше смотреть, но глаза не слушались, перескакивая с одной картины на другую, пока не остановились на одной из них. В отличие от других работ, выполненных в мягком стиле, эта была нарисована грубыми линиями, словно художник находился в эмоциональном всплеске.

На земле лежал зонт, на небе шёл дождь, а на картине он был прижат к стене, и Чжао Шэн целовал его.

Слева от него был закрытый магазин, а справа — вход в кинотеатр, который тоже был закрыт. В тот день он и его девушка, с которой они встречались всего месяц, посмотрели ночной сеанс, а на выходе начался ливень. Ему с трудом удалось поймать такси, и он, решив быть галантным, отправил девушку вперёд, отдав ей свою куртку, а сам промок до нитки, стоя под дождём и чихая один за другим. В тот тайфун поблизости не было ни одного укрытия, и он стоял на месте, ожидая, пока его заберёт брат.

Он запомнил этот день, потому что тогда они с Чжао Шэном поссорились.

К тому времени брат уже начал отдаляться, поэтому, когда Чжао Шэн приехал, он был рад, но брат сразу же начал ругать его, спрашивая, зачем он вышел в тайфун, почему для свидания выбрал ночной сеанс и почему, поймав такси, не поехал с ней вместе, пытаясь казаться героем.

Он был полностью мокрый, стоял под дождём почти час, и особенно обидно было из-за того, что он не понимал, почему Чжао Шэн отдаляется. Его настроение упало до самого дна, и он сбросил зонт из рук брата, а затем ответил:

— У кого, как у тебя, нет ни умения любить, ни опыта в отношениях, тот имеет право меня

учить?!

Тогда он был на втором курсе университета, и уже прошло время, когда брат мог его отшлёпать, но в тот момент Чжао Шэн схватил его за воротник рубашки, глаза горели, будто он был в ярости. Он смотрел вверх, словно бросая вызов, а дождь с волос брата капал ему на лицо. Он прищурился, ожидая, что брат ударит его, как в детстве.

Но Чжао Шэн лишь посмотрел на него несколько секунд, затем отпустил и пошёл поднимать зонт.

Теперь эта картина, казалось, говорила, что Чжао Шэн не хотел его ударить, а хотел поцеловать.

Чжао Сяньяннь окончательно запутался. Он пытался обмануть себя, говоря, что это ничего не значит, и отошёл на несколько шагов, повернулся и хотел уйти, словно ничего не видел. Но затем он заметил на противоположной стене, ближе к углу, картину, которая была немного больше остальных.

Все его предыдущие сомнения и отрицания казались теперь нелепыми. Чжао Сяньяннь замер на месте, не в силах двинуться.

Это, должно быть, была последняя картина, так как по размеру и дате она явно относилась к периоду за несколько месяцев до аварии, когда их отношения с Чжао Шэном достигли точки кипения.

Он взглянул на неё один раз, затем отвернулся, но, подавив сложные эмоции, медленно повернулся обратно. Жар распространился по всему телу, он чувствовал стыд и гнев, а позорящий факт был у всех на виду.

На картине были изображены две обнажённые фигуры, плотно прижатые друг к другу, одна из которых повернулась и целовала другую. Их тела были соединены, и вода струилась по ним. Ему не нужно было видеть всю картину, чтобы понять, что это была единственная картина в комнате, нарисованная без натуры, потому что Чжао Шэн фантазировал о сексе с ним.

Вот почему в комнате не было света — она хранила запретные желания Чжао Шэна по отношению к нему.

Казалось, всё прошлое вдруг стало ясным. Внезапное отдаление, переезд, реакция на вопросы, секреты в комнате. Тогда, за границей, он, скорее всего, не принял его за кого-то другого, а принял «другого» за него.

Сердце Чжао Сяньяння разрывалось, слёзы текли по щекам, словно что-то самое ценное было разрушено и уже никогда не удастся восстановить. Он присел на корточки, обхватив голову руками, и его тело и разум словно погрузились в бездну. Он с отчаянием спросил того, кто даже не был здесь:

— Как ты мог так поступить... Брат... Зачем ты это сделал?..

*

Чжао Шэн ничего не слышал. На самом деле Кэ Янь провёл в комнате не так много времени, и каждое его мельчайшее движение было видно. Он действительно совершил «преступление», и теперь, словно узник, ожидающий вынесения приговора, застыл на месте. Время растянулось

до бесконечности, Цинь Хао уже несколько раз звонил, но он словно этого не слышал.

Затем он увидел, как медленно присевшая фигура поднялась, словно вытирая лицо, и бросилась к стене, чтобы сорвать картины. Но, коснувшись их, заколебался.

Затем Кэ Янь, не оглядываясь, выбежал из комнаты.

Чжао Шэн, обессиленный, опёрся на дверь, прижав ладонь к груди. Теперь он был уверен, что Кэ Янь — это Чжао Сянъянь.

Если бы это был не Сянъянь, он бы не пришёл. Если бы это был не Сянъянь, он бы не убежал.

Он увидел, как Кэ Янь, выбегая из дома, споткнулся о медный предмет, который использовал для взлома двери. Кэ Янь посмотрел на него несколько секунд, поднял его, прижал к груди и побежал вниз.

— Эй, он, кажется, вышел. Что это у него в руках? Так он и правда вор?

Кэ Янь бежал так быстро, что даже не заметил человека, стоявшего недалеко от виллы. Дальнейшие события Чжао Шэн уже не видел.

— Э? Этот парень снова бросил вещь. Он точно вор?

Сердце Чжао Шэна горело от боли.

— Он не вор.

— Что?

Он сделал это, чтобы скрыть, что был здесь, притворившись вором.

Он голодал три дня, но всё равно пришёл сюда, чтобы Чжао Шэн поверил ему. Но теперь, узнав секрет брата, он больше не хотел признаваться брату.

Снаружи несколько раз стучали, но Чжао Шэн не реагировал. Такого Чжао Шэна никто никогда не видел.

Цинь Хао работал с Чжао Шэном с тех пор, как тот вошёл в компанию. В его глазах спокойствие и рассудительность Чжао Шэна иногда вселяли страх. Когда умер Сянъянь, многие горевали, Чжао Канчэн заболел, Су Шаоюнь плакала без остановки, но Чжао Шэн не проронил ни слезинки. Более того, уже на третий день после смерти брата он начал поручать Цинь Хао организовывать собрания и работу.

Это вызвало множество осуждений и обвинений. Говорили, что он даже не ценит родственные узы, что у него нет совести, и что он думает только о деньгах.

Тогда даже Цинь Хао начал сомневаться, не правдивы ли слухи о разладе между братьями. Но когда один за другим люди, не понимая ситуации, начали упоминать смерть Сянъяня, он видел, как Чжао Шэн, не задумываясь, увольнял их, независимо от их должности и способностей. С тех пор никто больше не осмеливался говорить об этом, и никто не знал, что он думал.

Внезапно дверь открылась, и Цинь Хао, облегчённо вздохнув, поспешил навстречу, внимательно осмотрел Чжао Шэна, но не заметил ничего необычного. Он хотел спросить, но

Чжао Шэн уже отдал распоряжение:

— Отмени все встречи после трёх часов дня и закажи билет на самолёт домой.

Цинь Хао хотел что-то сказать, но лицо его стало ещё более озабоченным. Ему придётся объяснять ситуацию многим людям... И Чжао Шэн так и не сказал, когда вернётся. Он смотрел вслед удаляющейся фигуре Чжао Шэна и безнадежно вздохнул.

*

Чжао Сяньянъ шёл в полной прострации, его тело и душа словно снова разделились. Он даже не помнил, как добрался до аэропорта. В голове был хаос, и все картины из той комнаты за считанные минуты врезались в его память, от которых он не мог избавиться.

Закат, пляж.

<http://bllate.org/book/16410/1486868>